

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛАРИСА ДОРОФЕЕВА

ТОБОЙ ГОРДИМСЯ, ВГУ!

В 1950 году я окончила 17-ю женскую среднюю школу города Воронежа, собиралась поступать на факультет иностранных языков в пединститут. Если бы в ВГУ был факультет РГФ, я бы пошла туда. Но в ту пору его еще не было. А ВГУ привлекал. Из нашего класса туда поступили, как потом выяснилось, 13 человек.

Когда мы пошли на день открытых дверей на истфилфак, то оказалось, что на филологическом отделении изучают не 2 иностранных языка, как в пединституте, а целых 9: старославянский, латынь, английский, немецкий, французский, древнегреческий, украинский, чешский, польский. И я решила поступить на филологическое отделение истфилфака.

Правда, мои ожидания оказались напрасными. Да, действительно, несколько иностранных языков, но на их изучение времени отводилось немного. Французский, английский, немецкий (выбрать один!) – 2 года, латынь – 2 года, старославянский, украинский – 1 год, а древнегреческий, чешский, польский – всего семестр. Мне это не нравилось, решила год проучиться, а потом перевестись в пединститут. Но прошел год, и мое решение было забыто, потому что жаль было покидать нашу дружную группу.

Сначала присматривались друг к другу. Мы пришли из разных школ Воронежа, многие приехали из других городов и сел. Быстро выделились самые активные ребята. «Нам надо выбрать такого комсорга, который сумел бы нас всех сплотить, сдружить, объединить», – сказала как-то на перемене Альбина Смирнова. – «Вот того, кто понимает эти задачи, и надо выбрать», – отреагировал Вася Кириченко. Так и сделали. Галю Галкину избрали профоргом, им она оставалась все 5 лет. Диму Демина назначили

старостой, через год его сменила Валя Золотухина. Владик Листенгартен – редактор групповой стенгазеты. Сталик Пензин – ее художник-оформитель.

Выделялся Юра Сурма. Он всегда все знал. Никаких сомнений, волнений, как у меня иногда бывало, если что-то не успеешь. К нему можно было обратиться по любому вопросу. Да и не только к нему. Во время сессии все готовились дома, кто с кем сдружился, но, когда сдавали литературу (русскую, советскую, зарубежную), многие читали на кафедре, книги переходили по очереди из рук в руки, тут же рассказывали, если кто уже не успевал прочесть, помогали друг другу как могли.

Когда пришлось сдавать латинский язык, с которым далеко не все справлялись, по предложению Юры Сурмы (он был членом курсового бюро) нас разделили на группы по 5–6 человек, в которые входили как сильные, так и те, кто послабее. В нашу группу вошли Галя Галкина, Юра Кульченко, Вася Лахин, Владик Листенгартен, Оля Царева и я. Занимались до обеда, а во второй половине дня каждый доучивал то, что ему было необходимо. Все прошло хорошо.

Конечно, ухитрялись и на экзаменах помочь, например в переводе. И пока проходил экзамен, никто не уходил, пока не сдадут все, болели друг за друга, радовались успехам товарищей, поддерживали тех, кто был расстроен неудачей. Так, на зачете по политэкономии капитализма я не знала ответа на вопрос билета, с ревом вышла из аудитории. «Успокойся, – говорили мне сокурсники, окружив меня, – преподаватель разрешил тебе пересдать с историками. Иди лучше готовиться». Я и пересдала через два дня. И хотя время было дорого, экзамены, приехали Галя и Альбина узнать, как дела. Телефонов-то тогда не было.

Но мы не только вместе учились. Организовывали культпоходы в кино, в театр. Кажется, на

4-м курсе мы коллективно отправились на концерт А. Вертинского, за что были резко раскритикованы в факультетской стенгазете «Идеологическая незрелость!». «Откуда мне было знать, что нельзя? На афише – Александр Вертинский, лауреат Сталинской премии», – недоумевает наш комсорг Люся Стежинская.

Устраивались обсуждения прочитанных книг и тут непременно выступали Оля Царева, Зина Виноградова, Альбина Смирнова, Инна Кожевникова, Юра Сурма, Берта Вайнштейн, Владик Листенгартен, Валя Золотухина и др.

По субботам в знаменитой аудитории № 11 устраивались танцы. А наша группа проводила здесь вечера – поэзии, самодеятельности: мы пели песни, читали стихи, обо всем разговаривали, танцевали.

В маленьких спектаклях были задействованы наши артисты: Сталь Пензин, Эльза Глистенко, Валя Лавлинская. Сталь и Эльза занимались в университетском драмкружке, и мы всегда с нетерпением ждали спектаклей с их участием.

Вместе отмечали многие праздники. Встречали Новый год, праздновали Первوماй, ходили на демонстрации. Запомнилась и поездка в колхоз с дневной работой на уборке картошки и вечерними посиделками: рассказами, просто разговорами, шутками, песнями. И на каникулах тоже встречались. Зимой ходили на каток, летом собирались те, кто остался в городе, ездили на речку в СХИ или к Чернавскому мосту. Проводывали больных, ходили в гости друг к другу.

Но главное всего была учеба. На 1-м курсе все интересовало – новые предметы, каких не было в школе, совершенно другая система работы. Слушаешь лекции полгода-год, потом – экзамен, на под-

готовку – 3–4 дня. Волновались: как успеть за три дня столько подготовить? Валя Золотухина жалела, что не читала записи лекций в тот же день. Но когда было их читать? Восемь часов занятий, подготовка к семинарам, политзанятиям, практическим занятиям, урокам языков. С.Г. Лазутин, читавший лекции по русскому фольклору и древнерусской литературе, нас успокаивал: «Сдадите первую сессию и поймете, как распределять время». Иногда рассказывал забавные случаи из опыта экзаменов. Например: студент взял билет, приготовился, садится к столу для ответа. – «Вопрос знаете?» – «Знать не знаю, но ответить смогу». И ответил. Для нас это была информация к размышлению: не вдаваться в панику, когда что-то забыл. Вспоминай и думай.

Сергей Георгиевич был, разумеется, преподавателем знающим, мыслящим, умеющим поддержать студентов. И, конечно, весьма уважаемым. Но именно с ним у меня сложилась конфликтная ситуация. (Потеряв в 12 лет во время войны родителей, я изменилась: в детстве была резвой, самоуверенной, а теперь меня одолели комплексы неполноценности.) Преподаватель не раз мне предлагал носить очки. Я огрызалась: «Они мне не нужны». – «Да вы же ничего не видите». – «Почему не вижу? Все я вижу, что мне нужно...» Такие диалоги повторялись неоднократно. Потом я перестала реагировать, молча слушала. Конечно, мне везде чудились обиды. Была-то я близорука, но очки надевала только в кино или театре.

И вот зачет по русскому фольклору. 31 декабря. Все спешили сдать и бежать домой. Я еще что-то дочитывала, пока осталось 3–4 человека. Взяла билет – народная драма! Вопрос. Ответа не знала, в записях лекций не было, видно, пропустила. Надо

Однокурсники Лариса Дорофеева,
Сталь Пензин и Галина Галкина.
1952 год

Сергей Георгиевич Лазутин

было сразу сказать: «Не знаю». Может, он задал бы другой вопрос. Но я, конечно уже последняя, завела рассказ. О чем? Сейчас уже не помню. Но и кружки самодеятельности, и даже народный хор К. Массалитинова вpleла туда. А он стоял у окна и курил. Зачет он все-таки поставил, не насмехаясь, не отчитывая меня за невежество и нахальство, только сказал: «А к экзамену вы все-таки подготовьтесь». Как мне было стыдно, и передать невозможно. Ведь преподаватель тоже спешил домой встречать Новый год! К экзамену все сверила и выучила наизусть и стихи, и песни, и причитания похоронные и свадебные. Они-то и оказались в моем билете и, может быть, меня реабилитировали в его глазах. Хотя получила оценку «хорошо». Чем группа наша была недовольна.

Все предметы были интересны. Лекции С.И. Челнокова по «Введению в языкознание», С.Г. Лазутина по древней русской литературе, по «Введению в литературоведение» положили начало нашему обучению.

Каждый год новые предметы, новые преподаватели, у каждого своя манера чтения лекций, обращения со студентами до экзаменов и во время экзаменов, манера поведения.

Мне нравились занятия языками. Преподаватель французского языка Фаина Яковлевна Крузе стремилась научить нас правильному произношению, пониманию прочитанного, общению, вновь и вновь обращая внимание на артикуляцию звуков,

вырабатывая у нас навыки хотя бы минимального владения языком. Забегая вперед, вспоминаю, как в 1950-е годы я работала в одной из сельских школ Омской области. Учительница французского языка ушла в декрет среди года, заменить было некому, поручили мне. Справилась, оченьгодились уроки терпеливой мягкосердечной Фаины Яковлевны. Как мне не быть ей благодарной!

С большим интересом и старанием занималась я латинским языком. Софья Алексеевна Рыкова была очень строгой, порой жесткой, нещадно нас иногда ругала за невыполнение каких-то заданий, добываясь прочных знаний. А как эти знаниягодились потом в преподавании русского языка! Ученикам моим этимология слов всегда была интересна, и я каждый раз была признательна Рыковой за полученные на ее уроках знания.

На 3-м курсе мы разделились на 2 подгруппы: литераторов и лингвистов. Конечно, я выбрала вторую подгруппу, нас было всего 7 человек. Общие лекции мы по-прежнему слушали вместе, а спецкурсы и спецсеминары были разные. Валентина Ивановна Собинникова читала нам спецкурс «Сравнительная грамматика славянских языков», вела спецсеминары, была руководителем моей курсовой работы по материалам диалектологической экспедиции, о которой речь впереди.

Валентина Ивановна также читала нам общий курс «История русского языка». Мы с большим уважением относились к Собинниковой, всесторонне образованному талантливому педагогу, умеющему и потребовать, и поддержать, и одобрить студента, если он этого заслуживает.

Захватили меня лекции по русской диалектологии, курс которых читала нам Антонина Ивановна Чижик-Полейко. Худошавая женщина средних лет, чаще серьезная, она так интересно рассказывала о русских говорах! Мне, горожанке, все это было в диковинку. Школьницей я ездила в деревню Большие Ясырки Садовского района к бабушке, там ярко выраженное яканье, а мне тогда казалось, что носитель этого диалекта просто балуется, коверкая язык. Поэтому рассказы Антонины Ивановны меня очень интересовали. До сих пор вспоминается наша диалектологическая экспедиция с Василием Скогаревым, Эльзой Глистенко под руководством аспирантки Т.В. Жарких. Ходили по дворам, слушали рассказы старых людей о прошлом, записывали в свои вопросники. Заполнив их, увидели, что нужны ответы, которых в рассказах не оказалось, – как именно выражена особенность лексики или грамматики в этом говоре. Были старушки, которые быстро отвечали, радуя нас. Но и курьезы бывали. Например, Вася

спрашивает: «Дедушка, ваш сосед вам обещал помочь – и не пришел. Что вы скажете потом ему?» Надо было выяснить, как тут говорят: обман – оман? Дед ответил неожиданно так: «Брехун ты, гад». Или «машу, махаю»? Вася машет руками и говорит: «Я махаю. А вы что делаете?» – «А я мух отгоняю».

По материалам экспедиции по предложению и под руководством В.И. Собиной я написала курсовую работу. В сокращенном варианте выступила с докладом на научной студенческой конференции. Занималась этим охотно через много лет, работая в сельской школе Владимирской области, вспомнила лекции А.И. Чижик-Полейко. Здесь говорю окаяющий, необычные глагольные окончания, певучие интонации. Однако многим нравилась речь приезжих, как они называли ее, «мягкий выговор». Пытались и подражать. Одна женщина, съездив во Владимир, так старалась перенять этот «выговор», что любой звук [о] заменяла звуком [а]: «Я на пезде приехала!»

На 4-м курсе – Украина. Литературу украинскую вел у нас пединститутский преподаватель Луценко. «Эней був парубок моторный, / Був хлопче хоч куды козак», – прочитал он нам из Котляревского, и все дружно расхохотались. Благородный античный герой – и такая лексика!

Людмила Петровна Комиссарова занималась с нами украинским языком. Очень уважаемая преподавательница, успела нас заинтересовать. И читать научились с пониманием, предложения разбирали, используя украинскую терминологию. Кто мог тогда представить, что это может пригодиться в жизни? А ведь пригодилось! Десять лет я прожила на Украине. Девять лет – в Луганской области. Преподавала русский язык и литературу в шахтерском поселке. Школа средняя. Книг пока было мало. Иду в библиотеку, книга нужная есть, но на украинском языке. И хотя прошло после окончания ВГУ 8 лет, не посрамила я честь своего вуза. Принесла книгу на урок, цитировала по-русски, не задумываясь. А ведь все знали уже, что я из России. На перемене подошли, поинтересовались, откуда я могу знать их «мову». И были просто поражены, узнав, что украинский язык я изучала в университете.

Через 9 лет (после развода) пришлось срочно переехать. Теперь я оказалась в Черниговской области. Здесь говорят не совсем так, как в Донбассе. Вела я немецкий язык, немножко русский, и в принципе меня это различие не смущало. Но политзанятия – тогда ведь по всей стране они были обязательны – заставили призадуматься. А потом оказалось, что выход есть. В других школах предлагались план, список литературы, ищи, читай, конспекти-

руй. А здесь проще: газета «Деснянская правда» печатала еженедельно весь необходимый материал. Все читали, никто ничего не выписывал, не сокращал. Подошла моя очередь. Я взяла газету, но читала по-русски, переводя с листа, вызывая недоумение коллег. Спасибо Людмиле Петровне!

С необыкновенно теплым чувством вспоминаю Петра Григорьевича Богатырева. Он приезжал на определенное время из Москвы и читал лекции курс чешской литературы, а у нас вел занятия по чешскому языку. Ученый с мировым именем, человек огромной эрудиции, он так много интересного нам рассказывал, в частности, о своих поездках в Париж, Прагу и т.д. В ту пору поездки за рубеж были редкостью.

Очень добрый человек. Учил нас читать и говорить по-чешски, что было нелегко, так как учебников, чешских текстов не было ни в библиотеке, ни в продаже. Петр Григорьевич приносил и раздавал нам свои книжечки, по которым мы занимались. В языке много интересного, например, отказ от иностранных, даже интернациональных слов и замена их словами родного языка (библиотека – knihovna, театр – divadlo и т.д.).

Сдали зачет, и Петр Григорьевич предложил нам возможные темы дипломных работ, если кто пожелает. Желающие нашлись: Люся Федюшина, Нина Беляева и я. Мне показалась самой интересной тема «Иностранные славянизированные слова в чешском языке». План работы, примерное содержание каждой главы, список необходимой литературы предложил, конечно, Петр Григорьевич. Работы оказалось много, и текстов на языке читать надо было большое количество, и нелегко было с поиском научной литературы по истории Чехии. Книгу Я. Гашека «Приключения храброго солдата Швейка в мировой войне» приходило читать в читальный зал общежития (здесь было временное проживание преподавателя), так как он в это время заканчивал работу над ее переводом. Была на каникулах в Москве, в библиотеке иностранной литературы и Ленинской библиотеке сделала много выписок из найденных здесь работ. Тогда ведь ни интернета, ни ксеркса не было. Часто встречалась со своим руководителем, в Москве посетила его по его приглашению. Всегда доброжелательный, всегда готовый помочь и в то же время очень требовательный. Не любил опозданий, не терпел, когда затягивалось написание какой-то части работы. Никогда не забуду такой эпизод.

Я должна была принести ему на проверку вторую главу, но не успела дописать ее в силу непредвиденных обстоятельств. И вот иду я по проспекту Революции, по краю тротуара, близкому к проезжей

Алла Борисовна Ботникова.
Первый букет после экзаменов

части улицы, и вижу: ближе к домам идет Петр Григорьевич. Считалось, что профессор Богатырев, как все ученые, погружен в науку, постоянно размышляет о своих проблемах, поэтому рассеян: ходили рассказы, как он забывал в раздевалке пальто, галоши, студенты относили их ему домой. Помня об этом, я постаралась спрятаться за спинами мимоидущих: авось, не заметит. Не тут-то было: заметил, пробрался ближе (улица всегда многолюдна) и, как всегда доброжелательно, говорит: «Ну, что же вы? Где же ваша вторая глава?» Лучше бы отругал! Стыдно было. Извинилась, отнесла через два дня, больше это не повторялось.

Занималась я с удовольствием, и благодаря огромной помощи моего руководителя защита прошла успешно.

Всего год с нами работал молодой преподаватель логики Миловидов. Сухие законы логики в его рассказах оживали, заставляли думать, сопоставлять, любил он привлекать пословицы, загадки. Например: «Не все то золото, что блестит». Передал

смысл этого выражения Кирилл Николаев: «Иногда внешний вид обманчив», – и заслужил одобрение преподавателя.

Закон исключенного третьего он проиллюстрировал таким рассказом. Во время войны едут в одном купе чешские старушка, девушка, студент и немецкий офицер. Проезжали через тоннель, темно, раздался звук поцелуя, последовала пощечина. Вопрос: «Кто кого поцеловал? Кто кого ударил?» Старушка думает: молодец девушка, дает отпор врагу. Девушка думает: почему он поцеловал ее, а не меня? Офицер недоволен: целует он, а бьют меня.

Много предлагали ответов, но так и не нашли верного. А он был прост: студент поцеловал свою руку и ударил немецкого офицера. Как это мы сами не догадались? Были и самостоятельные работы. Работу по составлению плана лучше всех написала Галя Галкина, как отметил Миловидов. Она и до сих пор рассуждает с применением законов логики. Я-то многое на веру принимаю, а она никак не может обходиться без логики.

Литература! Сколько приходилось читать до того времени неизвестных писателей! Ведь все, кто сюда поступил, конечно, очень много читали и раньше. У нас в школе была удивительная учительница литературы А.С. Морозова. Красавица, умница. Как она умела заинтересовать нас, приучать к вдумчивому чтению, устраивала конференции по прочитанным книгам, конкурсы на лучшего чтеца, на лучший отзыв о прочитанной книге. Ее даже приглашали на наш вечер, посвященный профессии учителя. Все так. Но в университете гораздо более обширная программа. Преподаватели менялись. Литература древняя, классическая, советская, народов СССР... Совершенно новой была зарубежная литература. И как хорошо, что все курсы – античной литературы, Средневековья, современной – читала только Алла Борисовна Ботникова. Как это было прекрасно! Молодая, красивая, элегантно одетая, она стала нашей общей любовью. И знаю, что не только нашей. Читала, слышала, ее любили все поколения студентов, которым посчастливилось учиться у нее. Она не читала по своим записям, хотя они тут были, а неторопливо вела свои рассказы, размышляя, подводя итоги. Она недавно окончила аспирантуру в Москве, очень знающий преподаватель. Понимая, как трудно нам охватить все необходимое для прочтения, давала советы, как лучше подготовиться к экзамену. «Не вспоминайте лекции, а думайте», – говорила она. Было такое впечатление, что все она давно знает, никакого труда ей прикладывать не нужно.

В прошлом году я наконец-то прочитала книгу Аллы Борисовны «В те времена...» (спасибо моему

сокурснику Владимиру Листенгартену). Оказалось, и ей были знакомы затруднения с поиском книг, времени для подготовки (часто за счет сна). Тем более Алла Борисовна читала сразу на всех курсах – подготовка требовалась серьезная. А сколько пришлось ей пережить! И учеба во время войны не была легкой, уход мужа, осталась одна с ребенком...

Мне очень приятно, что, рассказывая о круге общения, Алла Борисовна с любовью вспоминает о П.Г. Богатыреве, с которым ее связывала большая дружба. А еще мне очень приятно, что Алла Борисовна вспоминает в своей книге именно нашу группу, особенно Альбину Смирнову, Сталю Пензина, Владика Листенгартена, Юру Удодова, Аню Школьник... Оказывается, именно наша группа поднесла ей первый букет после экзамена.

А недавно издано продолжение книги «Мамина тетрадь». Очень интересный рассказ о своей семье, о своей матери с любовью ведет Алла Борисовна, так много подробностей, даже из детских лет, хранит она в своей отличной памяти, так выразительно пишет. Очень хорошая книга, и опять спасибо за нее Владимиру Листенгартену.

На 5-м курсе – педпрактика. И было это в тот год, когда соединили мужские и женские школы. Классы сборные, дети из разных школ, большие проблемы с дисциплиной даже у опытных учителей, работавших в школах № 11, 28, 37, где мы должны были давать свои первые уроки. Готовились втроем (три параллели) подолгу. Надлежало дать по 2 урока русского языка в 7-м классе и по 2 урока литературы в 9-м классе. Учителя посмеивались: столько подготовки к одному уроку! Что же будете делать, когда в день 4–5 уроков и столько же пачек тетрадей? Была и пассивная практика, вместе с методистом посещали и обсуждали уроки, полтора месяца бывали на уроках в классах, где придется давать собственные. Впечатлений уйма, некоторые пугали, например, проблемы с дисциплиной.

И вот мы за учительским столом. Учителя, руководитель наш Н.В. Соколова, сокурсники сидят на задних партах. К тому же, как когда-то и мы, дети нам сочувствуют, понимают, что нам нужна их помощь. Все проходит нормально. Но всем понятно, что дать всего 4 урока перед настоящей работой в школе просто недостаточно и что выпускники пединститута по сравнению с нами в выигрышном положении.

И вот мы сдали госэкзамены, защитили дипломы, получили дипломы.

Распределение!

Дима Демин, Саша Андреевцев, Сталик Пензин получили направления на Север, работали в редак-

циях газет; супруги Николаевы по их прошению в Министерство образования распределились в Магадан; Нина Беляева, Тамара Грабарь и я отправились в железнодорожные школы Оренбургской железной дороги. Остальные ребята получили направления в сельские школы нашей области. Те, кто смог открепиться, остались в Воронеже, устраивались здесь. Галя Галкина, моя самая близкая подруга, вышла замуж и оказалась с мужем в Липецке.

Первый год работы в школе на станции Айдырля на Урале достался нелегко: три подготовки, две смены, частная квартира. Через год мы с Тамарой Грабарь получили комнату в домике гостиничного типа. Оказалось, что мы заняли чужие места: учителей с незаконченным образованием, заочников, перевели в начальные классы. Я делала много методических ошибок, но прислушивалась к советам старых учителей. Председатель методической секции учителей русского языка ходил ко мне на уроки языка, приглашал к себе на уроки, ругал за недостатки, одобрял, если видел что-то дельное, рассказывал и показывал, как надо работать. Но все признавали достоинства нашего образования. Инспектор отмечала, что «приехали сильные учителя, рассказы их на уроках литературы ученики слушают, раскрыв рты». Ученики 9-го класса встретили меня сначала настороженно и договорились в качестве испытания (это нередко встречается новых учителей) предлагать на уроках вопросы о значении слов. Мне позже сказала об этом коллега, дочь которой училась в этом классе. Что ж, надо выдержать. И вот каждый урок дети задавали вопросы:

– Я читал и не понял это слово...?

– А что значит слово...?

– Объясните, пожалуйста, значение слова...

Что было делать? Сначала просто объясняла, что могла, в затруднительных случаях обещала справиться в словаре, объяснить в следующий раз. Потом, вспоминая свою школьную учительницу, я решила завести словари, мы стали наиболее важные слова записывать. Так продолжалось месяц, потом ребята поняли, что вывести меня из себя не удастся, утомонились. Отношения сложились добрые, почти все учились в меру своих сил, охотно выступали на литературно-драматических вечерах. Приходилось просить сокурсников, они присылали мне книги, которые интересовали детей, а в библиотеке их не было. Альбина Смирнова, Сталь Пензин (когда он вернулся в Воронеж), Зина Виноградова очень помогли мне в те два первых года работы. Переписывалась, конечно, и с Галей, с Юрой Сурмой, с Люсей Федюшкиной. А летом во время отпуска столько было встреч с сокурсниками: делились впечатления-

ми, говорили о планах на будущее. Сталик дал много рекомендаций по работе с драмкружком.

Прошел еще год, другой, третий. Многие, отработав в селе, устроились в Воронеже – в школах, библиотеках, редакциях газет, детсадах; учились в аспирантуре. У меня все складывалось по-другому. Все время работала в сельских школах. А село тех лет и нынешнее и сравнивать нельзя. Вода из колодцев (колонок не было), дрова в Сибири, например, заготавливали сами в лесу всем коллективом, потом по очереди вывозили. Мы много напилили, пока дошла очередь наша – их у нас украли! Снова вдвоем с девушкой, с которой мы вместе стояли на квартире, едем в лес, пилим, рубим, складываем, возвращаемся поздно. А свет только до 12 часов. Это так, вроде бы мелочь, но непривычно.

Вызывают в РК ВЛКСМ и дают поручение: организовать в клубе драмкружок. – «Не справлюсь я». – «Справитесь! С таким образованием? Дерзайте».

Конечно, справлялась. Вспоминались уроки выразительного чтения, которые проводил у нас артист Налигацкий, читал сам, учил нас, давал каждому определенное стихотворение, работал с каждым – научил. Теперь я и сама играла (роль смешной героини никто из девчат не захотел взять, пришлось мне; оказалось, что такая роль мне подходит больше, чем положительных героинь), руководила кружком, стала читать на концертах стихи и прозу. Появилась уверенность в себе. И все это благодаря университету!

Приехала молодая специалистка из ЛГУ. Требуется старшие классы. Они у меня. «Но я же университет окончила. Вы должны мне дать 9–10-е классы», – говорит она директору школы. – «Нет, не должен. Эти классы тоже ведет выпускница университета. Воронежского». – «Разве в Воронеже есть университет?» – удивляется она. – «Есть. И очень сильный». Многие выпускники поступали из этой деревенской школы в институты, многие писали мне добрые письма не один год.

А в колхозе своя жизнь. «Палочки» на трудодни отовариваются осенью, иногда и получать нечего. Без натурального хозяйства мудрено прожить. Конечно, стремятся в город, но без паспорта куда ехать? А паспорта получают те только, кто поступил учиться. Счастливы! Но не все: ключ через районную газету: «С аттестатом зрелости – на производство!» Вот как. Окончил школу – поработай два года в колхозе, поступить успеешь. Работают. Два года прошло – не пускают. Учителям приходится на уроках толковать о справедливом советском строе, руководящей роли коммунистической партии. А на практике все ли так?

Вспоминаю наши собрания, бывала и резкая критика в случае негативных действий. Нельзя от малчиваться, иначе дети не будут верить. Пишу в редакцию районной газеты. Ответ: заметка не будет напечатана, чтобы не дезинформировать общественность района. Еду в редакцию вместе с выпускником обманутым, его выслушивают, меры принимают.

А вот что случилось с Раей Барвинок. Хорошая ученица, пошла на ферму по призыву РК ВЛКСМ. Набирала воду из колодца, зацепилась халатом, оторвало руку вместе с рукавом. Надо было колхозу сделать ограждение (деталей не помню), о котором давно говорилось. Конечно, после этого несчастья сделали в тот же день. А что Рае делать? Как жить без руки?

Класс у меня выпускной. Написали письмо в РК партии, раскритиковали колхозное начальство, просили помочь девушке поступить в институт, выделить ее семье (мать одна, еще двое ходят в школу) квартиру, платить стипендию от колхоза.

Ребята собрали подписи жителей и отправили в райком. Еще до этого происшествия я по настоянию коллег подала заявление о приеме в партию. Через неделю вызывают. Уже собрались члены бюро голосовать, и тут секретарь райкома вспомнил о письме. «Как можно идти на поводу у остальных колхозников? Вы обязаны защищать, доказывать правильность нашей политики» и т.д. «Отказываетесь от своего письма?» – «Нет, не могу».

В приеме, конечно, отказано. На другой день опять разговоры о несправедливости. Всем, конечно, жаль Раю, ее мать, сочувствуют, плачут. Успокоиться на этом? Нет, надо делать все возможное.

Написала подробное письмо в областную газету. Оно не было опубликовано, но меры были приняты. Семье Раи выделили дом, она поступила в Омский пединститут; более того, приняли в институт ее подругу, ученицу не особо способную, специально для помощи Рае в быту. Стипендии платил колхоз. Эта Маша сама бы не поступила. К сожалению, через год она вернулась домой, вышла замуж, пошла работать свиаркой. А Раю я встретила через много лет, когда жила на Украине. Она окончила институт, вышла замуж, приехала с мужем в Ровеньки к его родным, здесь они и остались, получив работу и квартиру.

На Украине я окончила Киевские курсы иностранных языков, четырехгодичные. С 1973-го работала учителем немецкого языка в Михайловской школе Воронежской области. Раза три, когда была необходимость, мне давали русский язык и литературу, что было интересно и для меня, и для детей. Организовала Клуб интернациональной дружбы (КИД) имени Юлиуса Фучика, имя было присвое-

но через два года большой поисковой работы. Вот и пригодились старые занятия чешским языком. Переписка с женой Фучика, Густой Фучиковой, с КИДа-ми России, Чехословакии, ГДР, постоянные поиски нового, интересного, встречи с гостями из Чехословакии – работа разнообразная. И каждый раз я с благодарностью вспоминала ВГУ.

И на уроках немецкого языка чувствовалось мое филологическое образование. Бывали необычные уроки: заочные путешествия по городам Германии, Австрии; по местам, связанным с И.В. Гёте, пресс-конференции, спектакли. Ребята такие уроки любили.

Теперь я стала чаще видеть своих сокурсников. Наша дружная группа такую и осталась. Каждые пять лет у нас традиционный сбор. Мы рады видеть друг друга, спрашиваем, рассказываем о своей жизни, работе, успехах, проблемах.

Самая близкая моя подруга – по-прежнему Галя Галкина. Когда я приезжаю в Воронеж, останавливаюсь у нее, хотя имею родственников здесь. Делимся всегда с ней своими мыслями, планами, рассказываем обо всех событиях, проблемах, переживаниях, советуемся, помогаем, чем можем, друг другу. В свое время вместе ездили в Крым: Галя с мужем, дочкой и братьями и я с маленьким сыном – лечить на море ему гланды. Позже мы с ней вдвоем были в Латвии, осматривали достопримечательности. Общение постоянное, где бы я ни была. Письма, звонки, встречи, взаимопомощь.

Альбина Смирнова и Сталь Пензин тоже с 1-го курса много десятилетий были моими большими друзьями. Тоже ближе родственников. Еще студентами бывали друг у друга в гостях, общались, ходили на речку, в кино, на концерты. Присылали очки, книги, массу советов, пытались меня, особу со странностями, перевоспитать. Альбина и Галя не однажды приезжали ко мне в деревню. Письма Сталика и Альбины хранятся и сейчас. Всегда была реальная помощь. Сталик провожал моего сына в лагерь «Орленок», потом встречал; Альбина ездила за ним в санаторий (у меня в тот день отчет был). Они оба и Зина Виноградова постоянно снабжали меня информацией о прочитанных книгах, о тех, которые необходимо прочитать, о новых писателях. В деревне все появляется позже. Конечно, мы читаем, выписываем толстые журналы, но... Зина, Альбина и Сталик подали идею распределить подписку на журналы так, чтоб охватить почти все новинки. Сейчас не так: и подписаться трудно, и в районной библиотеке подписка сократилась.

С Зиной у меня тоже самые лучшие отношения. И бывала у нее, и с семьей знакома. Ее родители, се-

стра – врачи. И сколько раз они помогали советами, устраивали на консультации к врачам нужного профиля. Просто невозможно все перечислить.

Когда вернулись Кирилл и Инна Николаевы, общалась с ними, и это всегда было интересно. Два раза мы даже встречали впятером Новый год: Николаевы, Зина, Галя и я. Не раз встречались на днях рождения у Гали и Зины.

Общаемся время от времени с Люсей Стежинской, она же моя одноклассница, а в свое время – с Аней Школьник, с ней мы также переписывались, я ее навещала, когда она сильно заболела, привозила рецепты народной медицины, хотела помочь.

Писал мне и Юра Сурма; поразительно: он поступил в аспирантуру ЛГУ. В силу необходимости и также по особенностям своего характера очень много занимался, готовился к экзаменам, писал свою книгу «Слово в бою» и все-таки находил время писать мне в сибирское далекое село. Подробно рассказывал, как сдавал в аспирантуру экзамены, как они могут выглядеть в языковом вузе, отвечал на мои вопросы, ответы на которые я не могла найти сама, например, о причинах гибели Маяковского, о чем упорно спрашивали ученики.

Хранятся и письма Юры Удодова, очень интересные. Ко дню рождения он прислал свой сборник «Стихи». А еще он собрал целый архив нашей группы: письма сокурсников, газетные статьи, даже записки институтских времен. Владик Листенгартен хлопочет о том, чтоб этот архив передать в университетский музей. Предлагает даже издать сборник писем сокурсников с соответствующими комментариями адресатов.

Владик Листенгартен? До сих пор занят на большой работе, причем ответственность все прибавляется. Большая семья, внуки и правнуки, не всегда здоров. И все-таки он находит для нас время, обзванивает всех, когда что-то случается. Раньше это была информация о предстоящей встрече, теперь – увьи! – о похоронах и поминках. И я всегда удивляюсь, как его на всех нас хватает. Мы иногда приходим к нему на работу, раньше поднимались к нему в кабинет, теперь это делать уже не в силах. Он спускается, мы общаемся, сколько ему позволяет работа, иногда звонки непрерывные, общение недолгое, но всегда приносит газету или журнал, так что можно узнать много нового о нашем родном ВГУ.

А как много он мне помог! Книжки, брошюры методические присылал, ксерокопии статей своих, книжки сокурсников. Понадобился немецко-русский технический словарь – первый раз прислали, еще два раза ходила в библиотеку ВГУ с его запиской, записали на его номер, потом все возвращала в срок.

И часто пишет письма. Сейчас это редко кто делает, больше звонят. А он отвечает очень быстро на каждое письмо.

Когда у меня случилась самая страшная беда – похороны сына, приехали Галя Галкина и Кирилл Николаев, просидели после похорон со мной до глубокой ночи, и я не знаю, что было бы, если бы не подруга, душевное тепло моих сокурсников – друзей. А Владик Листенгартен тут же прислал письмо, теплое, с пониманием, что утешить невозможно, но тоже стремился поддержать, помочь добрым словом. И до сих пор мы периодически переписываемся. Если он знает, что нужно помочь, и знает, как это сделать, поможет непременно.

По-разному сложились судьбы моих сокурсников. Кирилл Николаев – доктор исторических наук, журналист, киносценарист, автор 12 книг. Я получила от него в дар книгу «Гений русского рассказа» о жизни и творчестве Леонида Завадовского.

Владимир Листенгартен – доцент ВГУ, ученый секретарь Совета ректоров вузов Воронежской области, журналист, писатель. Две последних книги подарены мне: «Книги о людях Воронежского государственного университета» и «ВГУ: от А до Я».

Сталь Пензин – доцент ВГУ, кандидат искусствоведения, киновед, медиапедагог, краевед, журналист, писатель, член Союза кинематографистов, организатор и руководитель кино клубов в Воронеже. У меня несколько книг малого формата и две последних книги: «Мой Воронеж после войны» и «Кино в Воронеже».

Юрий Сурма – литературовед. Успел отучиться в аспирантуре и написать книгу «Слово в бою», посвященную эстетике Маяковского и литературной борьбе 1920-х годов. Как жаль, что прожил всего 30 лет. Как много он сумел бы сделать.

Юрий Удодов – педагог, поэт, композитор; руководил художественной самодеятельностью в ДК, домах пионеров, в ВГУ, ВГПИ, работал концертмейстером в ансамбле ВСХИ «Черноземочка». Написал свыше 100 песен на стихи местных поэтов, в том числе своих сокурсников Дм. Демина и Вл. Листенгартена. Награжден дипломом Чехословацкого союза молодежи, бронзовым знаком ЦК ВЛКСМ.

Дмитрий Демин – член Союза журналистов СССР, поэт, автор сборников лирических стихов «Ходит песня», политической сатиры «Цели в прицеле», автор более 100 басен, поэтических текстов

Наша группа. Второй курс

к политическим карикатурам художников Кукрыникова.

Василий Кириченко – учитель, инспектор РОНО, поэт.

В издательстве ВГУ работала Валентина Золотухина, в издательстве Магадана – Кирилл Николаев.

В редакциях газет трудились Александр Андреещев, Елена Рогозина, в библиотеках – Альбина Смирнова, Александра Ушакова, Анна Школьник.

Многие мои сокурсники остались учителями средней школы. Среди них заслуженный учитель Инна Николаева – директор одной из школ Магадана; директор школы Юрий Кульченко; учитель-орденоносец Людмила Пунпур; Ольга Ткачева, Берта Вайштейн, Тамара Грабарь, Зинаида Виноградова, Галина Ершова, Эльза Глистенко и, возможно, те, которых я не называю, просто не имею о них информации. А Люция Стежинская и Галина Фефелова трудились в детсадах.

Галина Галкина работала сначала в радиотехнике, потом в железнодорожном. Я бывала у нее в превосходно оформленном кабинете, позаимствовала много идей по организации своего рабочего пространства. Ее группы всегда активно участвова-

ли в самодеятельности, в выставках студенческого творчества. Пародии на известные песни, частушки, стихи, которые приносили им успех, частично использовала и я в своей школе с переделкой применительно к нашим условиям.

Я уже писала об организации КИДа имени Ю. Фучика в Михайловской школе. Кроме мероприятий, связанных с именем героя и историей и жизнью ЧССР, дети принимали участие в борьбе за мир. Митинги солидарности с борющимися народами, сбор подписей под Стокгольмским воззванием, отправка денег в Советский фонд мира. А деньги зарабатывали сами дети. Платный спектакль, сладкие ярмарки солидарности, ярмарки поделок. Вязали, вырезали, выжигали, рисовали, клеили... И очень много идей по изготовлению поделок мы позаимствовали у студентов Гали Галкиной. Умела она их вдохновить на учебу и активное участие в жизни техникума, и они ее очень любили и через годы приглашали на встречи, до сих пор звонят, приезжают, поздравляют.

Я уже не раз говорила о том, как неоднократно пользовалась моральной, материальной, духовной помощью своих сокурсников. Вот еще пример. На

Наш курс: встреча через 20 лет. В первом ряду третья слева – Алла Борисовна Ботникова

одной из встреч Юра Удодов поинтересовался, какие у меня проблемы. Проблема была. У меня был готов спектакль «Улыбка судьбы» школьного театра кукол, трудности были с шумовым оформлением. Юра помог. Он работал в ту пору в Доме пионеров в Советском районе Воронежа и сделал магнитофонную запись (сейчас бы я и сама это все нашла). Музыка, шум дождя, громовые раскаты, скрежет ржавой повозки добавили столь много нового, оживили игру моих актеров, выступивших не только перед учениками школы, но и на смотре кукольных театров района и на районном совещании директоров школ, за что дети услышали слова одобрения и благодарности, а я даже премию получила: целых 25 рублей! Как и другие учителя, дававшие уроки. Конец 1980-х годов.

Я много ездила, сменила 7 школ, везде были друзья. Но годы проходят, и связь с ними затихает постепенно. А с сокурсниками она была и есть, «куда бы нас ни бросила судьбина». Читаем теперь и книги по психологии, народной медицине, обмениваемся советами умных людей, кулинарными рецептами, какой-то новой информацией. Кто может, помогает. Галю Ершову зовут у нас мать Тереза, помогает другим, например, Люсе Стежинской, когда та сильно болеет.

Когда-то я заболела радикулитом, отлежала в больнице две недели, выпрямилась, но боли сильные остались. Альбина приехала ко мне, заставила ехать в Воронеж, привезла к Зине Виноградовой (они договорились заранее), сестра Зины отвела меня к специалисту, лечилась по ее назначениям – все прошло. Сколько было таких случаев!

Однако все мы болеем, многие – как жаль! – уже ушли. Молюсь за упокой душ ушедших, за здоровье живых. Как пишет Владимир Листенгартен, «мои сокурсники мне дороги, что живы – дороги вдвойне».

В последние два года жизни Альбины я приезжала к ней много раз. Ходила она с двумя палками по дому, память слабела. И сидели мы с ней, вспоминали нашу группу, студенческие годы, столько приятных минут это доставило нам обеим. Хотела ей помочь, привезла книги и буклеты доктора С.С. Коновалова, благодаря которым и сама жива, но не получилось, не могла она делать все необходимое.

Поредели наши ряды, как всех жалко!

«Не умираем мы в другом, / Уйдя, мы в ком-нибудь живем», – пишет Борис Замбровский, выпускник и позже профессор ВГУ.

Вот и я взялась написать о своих дорогих сокурсниках и о тех, кто нам давал знания. Вспоминаю и волнуюсь, заново все переживаю, порой и давление подскакивает, когда пишу.

Итак, что мне дал университет?

1. Глубокие или просто хорошие знания.
2. Умение «рыться в книгах», стремление к поиску новых знаний, нужной информации.
3. Умение выбирать важное – пригодились навыки конспектирования трудов знаменитых языковедов.
4. Умение рифмовать сказки, тексты в школьных стенгазетах, сочинять частушки и т.д.
5. Умение овладевать знаниями в новых областях науки, которыми не занимался в ВГУ.
6. Разумеется, умение передавать свои знания, советовать, убеждать следовать советам.
7. Чувство дружбы, коллективизма, нужности людям.

Уверена, что без внимания, забот, взаимопомощи в нашей группе я не сумела бы проработать 43 года в школе, занимаясь путешествиями с учениками, драмкружком с детьми и взрослыми, театром кукол.

Кирилл Николаев в дарственной надписи к своей книге «Гений русского рассказа» пожелал мне «не забывать любимую филологию». Я и не забываю. По-прежнему много читаю, хоть глаза давно не те. Случайно купила книгу роскошного издания – 200 сказок разных народов, оказалось, на итальянском языке. Выписала самоучитель, купила словари, училась на курсах – теперь, хоть и не говорю, но со словарём читаю. А сейчас начала заниматься английским языком на тех же курсах ради внучки-пятиклассницы, бывающей у меня на каникулах. Ради нее занимаюсь и кукольным театром – домашним, только на летних каникулах.

Каждый из нас получил филологические знания, и они помогли найти свое место в жизни. Спасибо, ВГУ!